

Пролог

Скандинавия, 200... год. Конец лета.

Он прошел, не снижая скорости, поворот и на выходе из него еще прибавил газу. Как учили. Глянул в зеркало заднего вида — все без толку, расстояние между ним и преследователями не увеличилось, скорее даже наоборот. Машины у тех были явно не хуже, а водители — повыше его классом, а потому на личную жизнь и прочие мелкие глупости времени оставалось совсем ничего. Минут десять, в лучшем случае.

За проведенные в поле годы приходилось работать по-разному, порой достаточно жестко. Но уходить после этого он привык тихо, без лишнего шума, погонь со стрельбой, беготни по крышам и прочего ненужного героического героизма. Как правило, именно так и получалось все прошлые годы. Но не в этот раз.

Зарядил дождь, он включил дворники. Усмехнулся, ситуация почти один в один напомнила кадры из фильма его юности, определившего всю дальнейшую жизнь. Было такое скромное черно-

белое кино, если помните, без пальбы очередями по всему живому и спецэффектов, с одной-единственной вялой драчкой ближе к финалу. Не помните, уверен. А персонально его тогда зацепило, вот это: «Мы неизвестны, но нас узнают, нас почитают умершими, но мы живы, нас почитают обманщиками, но мы верны...» Он посмотрел картину раз десять и каждый раз, выйдя из кинотеатра, подолгу бродил в одиночку по улицам маленького южного городка, размахивая руками и что-то бормоча под нос. Примерял, так сказать, на себя личину и судьбу того невзрачного полноватого человека. Представлял, как спасает мир, как отважно прикрывает отход своих и, наконец, попадает раненым в плен. Как спокойно и чуть иронично держится на допросах, потому что точно знает: Родина помнит и обязательно придет на помощь. Боже мой, как давно это было.

Он действительно попал в разведку, так получилось. Только вот пафоса с романтикой и прочих розовых соплей там не оказалось. Да и живущую в нем самом подобного рода чепуху сдуло, как пену с кружки с пивом. Вся эта дурь ушла сразу после первой же командировки, только в глубине души, где-то на донышке, все равно осталось это — «нас почитают, а мы все равно...». А иначе в разведке, особенно в поле, просто нельзя. Романтиков хоронят молодыми или же они быстренько во всем и сразу разочаровываются и тут же уходят куда подальше — в бизнес, например,

или в бессрочный запой. Холодные прагматики, с ходу въехав, что к чему, оседают в высоких кабинетах и оттуда уже спускают профессионалам директивы на тему, как все-таки надо жить и работать. И только те, кто сумел сохранить в себе самую малость от того «несмотря и вопреки», продолжают вкалывать как карлы за растрату в поле. Или как сейчас модно говорить, на холоде.

Прекрасно осознавая, что никто и никогда не придет на выручку в случае провала. Не раскроет отчизна объятий и не угостит экологически вкусным березовым соком без мякоти. И тем не менее останется при этом Родиной, предавать которую ни в коем случае не следует. Знал он тех, кто думал и поступал иначе. Никогда не стремился стать им судьей, у каждого своя правда и своя дорога в жизни. А вот палачом разок сработать все-таки пришлось. Точнее, исполнителем.

Глянул на часы — пора, однако. Достал из бардачка телефон, набрал по памяти номер. Дождался соединения и тут же принялся нести какую-то чушь. Закончив блажить, набрал заветную комбинацию цифр и знаков и выбросил трубку в окно самоуничтожаться.

За все это время преследователи приблизились еще ближе и катили уже метрах в ста пятидесяти. Он сбросил скорость и, закурив, поехал себе, никуда уже не торопясь.

Вскоре остановился, потому что двигаться дальше было просто некуда. Дорогу перед ним

перегородил грузовик и несколько полицейских легковушек. Ехавшие позади тоже остановились и повторили маневр, перекрыв дорогу. На случай, если он решит продолжить игру в догонялки.

Он медленно и печально докурил сигарету и с полным презрением к общеевропейским культурным ценностям выбросил окурки в окно. Усмехнулся, ситуация чем-то напомнила кадры из того самого фильма его юности. «Не могу ли я быть вам чем-нибудь полезен, мистер Лонсфилд?» — помнится, поинтересовался у главного героя пожилой унылого вида мужик, больше похожий на школьного учителя, нежели на шефа полиции. «Можете», — с легкой улыбкой ответил тот. — Прошу занести в протокол, что при аресте я не оказывал сопротивления».

Выключил мотор, вылез из машины и остановился посреди дороги. Невысокий толстенький очкарик, затравленный и донельзя испуганный. Снял очки, зачем-то протер пальцами стекла и водрузил их на прежнее место. Посмотрел на людей в полицейской форме и в штатском, наставивших на него оружие, тяжело вздохнул и поднял руки.

— Я сдаюсь! — пропищал он. — Пожалуйста, не стреляйте!

Трое в штатском протиснулись между автомобилями и решительно направились к нему. Молодые рослые мужики в одинакового покроя строгих костюмах. Похожий на викинга из саг суровый блондин слева, рыжеволосый здоровяк справа и чер-

ный, как ночь в шахте, афро-скандинав посередине и чуть впереди остальных. Явно старший этой небольшой, но чертовски сплоченной команды.

— Ваши руки, сэр, — оперным басом проговорил он, доставая стальные браслеты из кармана.

— Да, сэр, — пролепетал в ответ толстячок. — Конечно, сэр. — И послушно вытянул перед собой короткие пухлые ручонки.

Шагнул вперед и совершенно для всех неожиданно резко пробил на скачке боковым слева. Абсолютно несерьезный с виду кулачок угодил точно в челюсть блондину. Тот еле слышно хрюкнул, ноги подогнулись, и brutальный потомок викингов медленно и печально, осеннему листу подобно, опустился на мокрый асфальт, дернулся и затих.

Толстячок подпрыгнул как мячик и еще раз пробил ногой, на сей раз по коленному суставу рыжеволосому. И сразу добавил ему же, согнувшись от боли, сверху. Со всей дури по загривку.

Бодро отскочил в сторону и, оказавшись напротив обалдевшего от такого хамства, в считанные секунды лишившегося воинства чернокожего начальника, вплепал ему с ноги туда, откуда у того самого росли ноги.

Совершив все эти противоправные и абсолютно неполиткорректные действия, вернулся к своей машине. Принял классическую позу задержанного (ноги шире плеч, руки шире ног, голова на капоте) и стал терпеливо ждать, когда же его начнут бить.

Книга первая

ПОКОЙНИК, КОТОРЫЙ ПОЛЮБИЛ ВЯЗАТЬ КРЮЧКОМ

— План в принципе неплох.
Когда собираетесь начинать?

— На следующей неделе, как только освободится тот самый, нужный вам человечек. Кстати, кто он такой?

— Да никто. Просто покойник.

Глава первая

ВЫХОДНОЙ. ПУГОВИЦЫ В РЯД

Скандинавия, три года спустя.

Уже целых семь минут на воле.

Мой выход из узилища прошел тихо, серо и как-то даже обыденно. Ни тебе журналюг с телевизионщиками, ни оркестра с трубами и барабанами, ни трибуны с профессионально захлебывающимся от восторга дежурным трепачом. Даже ковровую дорожку постелить не сподобились. Не говоря уже о лимузине с грудастыми горячими тетками и холодным шампанским. Не прислали, вы представляете?

Никуда не торопясь, с жадностью глаза по сторонам, я прошел вдоль улочки, с наслаждени-

ем вдыхая и выдыхая умеренно загазованный воздух свободы. Как миновал велосипедную стоянку, припаркованный через дорогу не то чтобы старый и дряхлый, просто не шибко новый серенький, как штаны пожарного, «Фольксваген» громко чихнул, завелся и покатил, типа незаметно, следом.

Я остановился у входа в магазинчик и принялся изучать витрину. Как следует рассмотрел заодно и то самое детище немецкого автопрома, оно как раз подъехало и притормозило в нескольких от меня шагах. И горькая, горькая усмешка пробежала по моему изможденному, изрядно округлившемуся за годы неволи, мужественному лицу.

Как говорится, бедненько, но чистенько. Но все равно бедненько. А с другой стороны, что это я так губу-то раскатал? Мир, между прочим, еще от кризиса толком не оправился. В обожаемом отечестве тоже проблем — море разливанное. Экономят теперь буквально на всем, армию с флотом реформируют, службы разные нещадно сокращают. В том числе и мою, родную.

Откуда, спросите, все это знаю? Так у меня в камере компьютер есть. С подключенным Интернетом. Пользоваться им местные сатрапы разрешают не больше пяти раз в неделю по три часа за раз всего-то, но и этой малости вполне достаточно, чтобы, с одной стороны, быть в курсе событий и не страдать от сетевой зависимости — с другой.

Так что и за это большое тебе, отчизна, мерси. Могли вообще прислать за мной ржавый китайский велосипед. Может, они там, в посольской резидентуре на операции уже на трамваях ездят. И вознаграждения агентам из собственного жалования выплачивают.

Когда я вышел из магазина, водитель, истомившись в ожидании, вылез наружу и в нетерпении нарезал круги вокруг своего железного коня. Я присмотрелся и тихонько вздохнул. Да-с, не в бедности тут, видно, дело. Без монокля можно было прочесть на его не слишком высоком лбу под челкой, кто он, почему он и где в данный момент находится. На боевой, между прочим, операции, а не у Пронькиных на даче. Я типа прошу, хоть ненадолго, боль моя, ну и так далее... Аж распирает его, скворца, от важности и осознания собственной значимости. Раньше-то, видать, только за кофе посылали. Или за водкой.

Как быстро годы пролетели... И меня, такого же зеленого, когда-то отправили на первое серьезное задание, которое я со свойственным мне блеском исполнил. Потом чисто случайно узнал, что такого было в том портфеле, что я по всем правилам, с паролями и отзывами принял от какого-то неопрятного похмельного толстяка у входа в Музей палеонтологии и потом, проверяясь на каждом светофоре и теряя по миллиарду нервных клеток в секунду от волнения, доставил по адресу.

Целых три полторалитровые пластиковые «сиськи» молдавского коньяка! Правда, ручной работы и только для хороших людей. И понял заодно, почему тот жирный пьянчуга так громко ржал мне вослед.

Я приблизился и остановился напротив представителя смены нашей геройской. Парень в темно-сером костюме-тройке медленно переместил темные очки с носа на лоб и замер в ожидании, бдительно меня с ног до головы оглядывая. Я, в свою очередь, снял свои окуляры, аккуратно их сложил и запустил снайперским броском в ближайшую урну. Видеть после этого, что интересно, хуже не стал.

— У вас продается славянский шкаф? — с неизвестным языкознанию акцентом выдал я. Получилось прямо как в старых добрых фильмах об ихних тупых шпионах и нашенских геройских разведчиках.

— Не понял. — И глянул сверху вниз с удивлением и, не поверите, легким омерзением, как будто я только что громко пукнул. А потом спустил штанишки и уселся гадить посреди заграницы.

— Миллион извинений, коллега. — Я почесал затылок. — Это... черт, как же? А, вспомнил: отличная сегодня погодка, прямо как в Испании.

— Вообще-то в Барселоне сейчас дождь, — четко и раздельно произнес отзыв он. — Вы, очевидно, Ник? — Обниматься почему-то не полез. Даже руки не подал.

— Аз есмь, — отозвался я. Раскрыл дверцу и залез на заднее сиденье. — А под Кандагаром все равно было круче. — Что-то я нынче расхулиганился, не иначе пьяный воздух свободы въехал со всего размаху в голову. Как кистень какой-то.

— В каком смысле?

— Во всех сразу. Куда путь держим, дружище?

— В Стокгольм.

— Можно и в Стокгольм, — не стал спорить я. Просто махнул рукой: — Поехали.

Глава вторая

ОДА «К РАДОСТИ» В ЛЯ МИНОР

Я сделал глоток, следом другой казавшегося просто идеальным эспрессо. На самом деле был он, конечно же, так себе, средней паршивости пойлом из кофейного автомата. И совершенно предсказуемо зашелся в гастрономическом экстазе. Три года, три долбанных года, больше тысячи дней я был вынужден пить по утрам жуткую бурду под названием «кофе без кофеина». А еще мне запрещали курить, настойчиво и настоятельно рекомендовали носить очки со стеклами без диоптрий. И заниматься... тем, о чем настоящему мужчине и российскому разведчику и говорить-то стыдно. Как-нибудь попозже в этом сознаюсь. И все с подачи штатного тюремного психолога, странного, если не сказать, убогого

создания. Самого ботанического из всех встречавшихся мне ботаников, вечно дергающегося, заглатывающего целиком слова при разговоре, обсыпанного перхотью персонажа с цыпками на пальцах и обгрызенными ногтями. Остро самого нуждающегося, по единому мнению всех сидельцев, в срочных услугах даже не психолога, а психиатра. А еще по его же наводке я целых полгода посещал занятия по обузданию гнева.

Если кофе прошел на ура, то с куревом вышел самый настоящий облом. Не пошла, как говорится, ни первая, ни вторая сигарета. Да и черт бы с ними, с обеими.

Я съел несколько пончиков из бумажного пакетика, запил их остатками кофе и, откинувшись на сиденье, уставился в окно. И широкая, от уха до уха, улыбка счастливого идиота сначала съежилась, а потом и вовсе покинула физиономию. Наступило время грустных мыслей.

Помните финальные кадры из того самого фильма моего детства? Главного героя везут куда-то в автомобиле, о чем-то ему при этом рассказывают, шутят и радуются. А он молча и печально смотрит на мелькающие за окном белые русские березы. И совсем не выглядит безбрежно счастливым.

Это потому, что прекрасно понимает: конечным пунктом поездки будет не ведомственный санаторий или персональная, выделенная ему

